

Устал, друг мой, пойду на почту и подышать воздухом. Осенняя усталость тела весною надоедает, а весна, кажется, устанавливается благодатная.

Мери вам кланяется.

Твой старый А г а

¹ Год устанавливается по упоминанию о предстоящей русско-турецкой войне (была объявлена Россией 24/12 апреля 1877 г.). 25 апреля приходилось на среду именно в 1877 г. Это последнее из сохранившихся писем Огарева, умершего 12 июня.

² Стихотворение впервые опубликовано в женевском эмигрантском журнале "Вольное слово", 1881, № 2, с. 6–7 (см. *Огарев 1956*, с. 361–362, где оно датировано 22 апреля 1877 г. – в этот день были посланы П.Л. Лаврову первые 3 строфы с письмом, в котором Огарев сообщал, что они написаны "3-го дня"; ср. "Лит. наследство", т. 39–40, с. 597). В РГБ сохранился черновой автограф всего стихотворения с зачеркнутыми вариантами первоначального текста (тетрадь 32.1 – см. 69.7.12, л. 15 и 14об.).

ГЕРЦЕНУ и ТАТЕ ГЕРЦЕН

Публикация М. М е р в о^{94*}

Из трех публикуемых ниже писем Огарева к Герцену ("амстердамская коллекция") два имеют "практический" характер, т.е. связаны с денежными делами. В первом (1860) идет речь о так называемом "сатинском долге", часто упоминаемом на страницах настоящего тома. Мы обнаруживаем в этом письме и проявление той "слабости" по отношению к Н.М. Сатину, которую Герцен, как известно, далеко не одобрял. Второе письмо (1862) обращено одновременно и к Герцену и к его восемнадцатилетней дочери Тате. Это своего рода завещание, в котором Огарев поручает, на случай смерти, свою подругу Мери Сетерленд заботливым попечениям Герцена, а сына ее Генри – Тате с просьбой заняться его воспитанием. Из этого письма мы видим, что и через десять лет после смерти первой жены Герцена она продолжала оставаться для Огарева предметом подлинного культа.

Что касается третьего, незаконченного письма (1862–1863?), то оно подтверждает, что для Огарева, в некоторые моменты его совместной жизни под одним кровом с Герценом и Тучковой-Огаревой, напряженная атмосфера в доме была поистине невыносима. Возлагая за это ответственность на Наталью Алексеевну, Огарев в своем письме выражает убеждение, что далее так продолжаться не может...

Письма публикуются впервые по автографам *ИСГ*.

1

(Лондон. Середина июля 1860 г.)

Друг ты мой неизменный, как ни глупа переписка с 2-го этажа в 1-й – но так гнусно-тяжело говорить о денежных обстоятельствах, что я решился писать. Прочти терпеливо и внимательно.

За всеми уплатами долгов моих папá² и тебе 700 фунт., у меня остается капитала 40 000 р. сер., т.е. 160 000 франков. По 6% доход годовой у меня 2400 р. сер., т.е. 9600 франков, или 800 фр. в месяц. Из них 400 – Натали, 400 – мне. – Это выходит каждому по 13 фр. в день.

Натали в Германии, без сомнения, справится этими деньгами, ибо квартира не дороже 5 или 6 талеров, положим 10 талеров в месяц, т.е. 1/3 талера в день, т.е. не больше 1 шиллинга. Ведь сам ты знаешь, как там дешево. Стало, надо иметь талант, чтоб не справиться, и жить можно на 1 талер, т.е. на 3 шиллинга в день очень хорошо, т.е. 100 франк. на квартиру и стол в месяц. Стало, достанет на все с роскошью.

Мои расходы следующие. Я даю матери с мальчиком³ 1 1/2 фунта в неделю, т.е. 6 фунт. в месяц, или 4 шилл. в день, квартира у них 10 шилл., 6 пен. в неделю. Остальное идет на еду, на одежду и пр. Следственно, в год 72 фунта, или 1700 франков; остается на мою долю 3100 франков, или 258 фр. в месяц, т.е. 64 фр. в неделю, т.е.

^{94*} Вступительную заметку и примечания перевел с французского Л.Р. Ланский.

ГЕРЦЕН

Фотография Э. Каржэ. Париж, 1861

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

Фотография продавалась в пользу Польского революционного фонда.
Герцен принял участие в ее распространении

немного менее 3 фунтов. Сам ты посуди, что мне по жизни за тобой не угоняться, что мне на необходимые нужды квартиры и еды нельзя тратить больше, чем тратит Мери, т.е. больше 6 фунт. в месяц; живи я один – я больше не мог бы тратить. Остальное нужно на одежду, сигары и все то, что может доставить маленькое удовольствие в жизни. Поэтому мой расход не может превышать следующего:

Моя кварт(ира) и еда	1 700 франк.
Ее.....	1 700 франк.
Мой особый расход	<u>1 400</u>
	4 800 франк. в год,

т.е., сверх моей еды и квартиры, мне нужно 124 фунт. в год, т.е. я должен получать 10 фунт. 4 шилл. в месяц (для матери с мальчиком и для себя). Иначе мне жить невозможно, и то я могу только с 1 августа, и в июле не обойдусь без 15 или 20 фунтов, которые прикладываю к должным мною 700 фунт., и потому накинул лишки в

моем счете Сат(ину), т.е. он должен уплатить тебе 5 000 сер., что составит более 700 фунт., а остальное я просил его высылать аккуратно 2 раза в год, так, чтоб мой прожиток был всегда очищен.

Уладь, чтоб Трюбнер купил у меня или 2-е издание стихотворений, или что другое на 60 фунт. в этот год; иначе я не мог бы брать уроков математики, разве на счет “Колокола” или на твой счет. А мне ни того, ни другого не хочется.

Ты этим не обижайся – мне жить на твой счет было бы совершенно не обидно, если б мы жили вдвоем и твоя цель была бы прожить твое достояние так, чтоб с последним дыханьем выпал последний золотой из кошелька, да еще если бы я не был тебе должен и весь мой капитал 40 000 р.с. А так как я его тебе и без того должен и, следовательно, во всяком случае, живу на твой счет, то грабить тебя сверх этого, действительно, заслужило бы *нарекания*, а я его не хочу и выше его стать не могу. Оно для меня было бы прискорбно.

Но 40 000, которые я тебе должен, так как с моей несостоятельности на получение их ни ты и никто не может рассчитывать – то ты мне их совершенно прости, т.е. подарь; таким образом, долг Сат(ина) мне, после моей смерти, будет уплачиваем им Лизе, и все будет обеспечены, ни Сат(ин) не должен разориться для немедленной уплаты долга, ни Лиза не останется нищая, ни я, ни Натали на наш век не потерпим нужды.

Вот все, что я имел сказать об этом, Герцен. Прости мне этот сухой расчет. – Но мне ни иначе поступать, ни умолчать все это перед тобою невозможно. Меня мысль о моих средствах к жизни давила эти дни, а это одна из тех мыслей, которые неприятно и бесплодно мешают жить; надо было с ней разделаться. От этого я и написал сие послание. Если ты со всем оным согласен, то я доволен⁴.

¹ Обоснование датировки см. в ЛЖГ III, 131–132.

² *naná* – тещь Огарева, А.А. Тучков.

³ Мери Сетерленд и ее сын Генри.

⁴ Ответное письмо Герцена неизвестно: вероятно, он объяснился с Огаревым устно.

2

ГЕРЦЕНУ и ТАТЕ ГЕРЦЕН

(Лондон.) 10 мая 1862 года

Не знаю, сколько дней мне еще остается жить. Вот главное распоряжение после моей смерти:

Что числится за мною по праву наследства, переходит к детям.

Поручаю Герцену, в воспоминание обо мне, не оставить женщины, которая меня ничем не оскорбила. Я говорю о Mary Sutherland. То есть я прошу Герцена давать ей от восьмидесяти до ста фунтов в год¹, чтобы она могла жить безбедно и воспитывать сына. Я хочу, чтоб он был подготовлен так, чтоб в юном возрасте мог избрать себе любую карьеру.

Долго думал я – кто же с сердечным участием займется его воспитанием, потому что, кроме денег, надо при этом какое-нибудь человеческое участие, иначе замороженный внутри себя отрок доучится только до возможности сделаться хорошим мошенником. У кого же мне просить для много, много любимого Генри этого человеческого участия? Долго я думал... Я прошу его у Таты. Если бы ее мать была жива, я поручил бы его ей.

Тата, сделай в мое воспоминание все, что тебе скажет сердце.

О г а р е в

На конверте:

Герцену мое завещание на хранение и исполнение².

¹ Как указывает Н.А. Тучкова-Огарева, Герцен намерен был выплачивать впоследствии, в случае смерти Огарева, дотацию одной лишь Мери, игнорируя ее сына Генри (см. в кн. 2-й наст. тома в разделе “Н.А. Тучкова-Огарева” письмо Натали Алексеевны к Огареву от 27 декабря 1873 г.). Такой постановкой вопроса Огарев был сильно возмущен. Как мы увидим из публикуемых ниже его писем к Тате и Г. Моно.

² В этот день Тучкова-Огарева с дочерью Лизой и близнецами уехала на остров Уайт.

(Лондон. 1862–1863 г. (?)¹)

Можно ли уладить, чтоб часа в два позавтракать и потом мне уйти до субботы? Если нельзя, я и не претендую, а если можно, то это был бы роздых, которым я ужасно был бы доволен. Можно сказать, что я иду домой за делом, и никто бы не заметил. Ты не можешь себе представить, как хорошо действуют сутки, проведенные без всякой мысли и сплетни. Могут быть свои скорби, только не такие – и это освежает, Если б Н(атали) поняла, что она становится ниже самого простейшего существа, – может, самолюбие воскресило бы ее. Да нет! у меня и надежды нет. Только жить эдак невозможно. На вопрос (1 нрзб).

¹ Это письмо (без сомнения, неоконченное) с трудом поддается датировке. Оно, по-видимому, написано уже после встречи Огарева с Мери Сетерленд (в конце 1858 г.) и, во всяком случае, свидетельствует о том, что у Огарева в начале 1860-х годов уже выработалась привычка целыми сутками не бывать дома. Разочарованный тон письма в какой-то мере сближает его со стихотворением “Настоящее и думы (Письма к Герцену)” – “Лит. наследство”, т. 61, с. 636–641, – написанным в январе 1863 г. Огарев выражал в нем горькое сожаление, что все попытки “спасти” Наталью Алексеевну оказались безуспешными.

ТАТЕ ГЕРЦЕН

Публикация С.Д. Лищинер, И.А. Желваковой и М. Мерво^{95*}
Предисловие С.Д. Лищинер

Нежностью, душевной близостью и взаимопониманием проникнуты письма Огарева, адресованные старшей дочери Герцена Тате, заметно отличая их от его писем к другим детям своего друга, хотя и они полны отеческой любви и преданности. Объяснить это можно, главным образом, свойствами характера Таты. Самоотверженная доброта и мягкость нрава, душевная тонкость и такт, присущие ей, и вместе с тем пытливый ум, разносторонняя творческая одаренность, широта духовных интересов рано снискали глубокую дружбу и доверие Огарева (первое из сохранившихся обращений к ней – дарственная надпись 14-летней девочке на его портрете, гравированном в 1858 г.: “Моей милой Тате от оригинала”)¹.

В Тате Огарев, как и Герцен (ср. XXVII, 70, 77), видел воплощение внутренней грации, которая отличала ее покойную мать – Наталью Александровну Герцен. “Из всех вас она (Тата) мне больше всех напоминает вашу мать своим добрым спокойствием. Я ее очень люблю”, – признавался он в письме к Саше Герцену от 2 ноября 1864 г. (XXVII, 517). И 13 апреля 1865 г.: “Мой идеал – это приезд Таты, к которой я имею бесконечную преданность. Это чувство для меня освещено всей святыней воспоминания о вашей матери”. Несколькими позднее он так охарактеризовал общение с ней: “Тата – моя утешительница, это одно из тех светло-добрых существ, на которые довольно взглянуть, чтобы стало легче жить”².

Уверенный в столь же животворном действии “благородного и теплого нрава” Таты (по отзыву Герцена – XXVII, 498) на всех окружающих, на общую душевную атмосферу в семье, Огарев писал М. Мейзенбуг: “Вы не можете себе представить, как я счастлив, что вы тоже стали любить эту нежную, простую, глубокую, осердеченную натуру. Это правда, что она теперь достигла истинного апогея своего развития, и поэтому я убежден, что в ней вы найдете много утешения в жизни, и это делает меня счастливым”³.

У Огарева все больше крепла надежда, что Тате предстоит особая роль в жизни семьи – роль сплывающего, нравственного центра, духовной опоры младшего поколения, выросшего на чужбине. Эти прогнозы он связывал, в частности, с интенсивным умственным развитием девушки, с рано проявившимися творческими, эстетическими интересами, с ее намерением серьезно заняться живописью. И он неуклонно культивировал эти интересы – в том числе и в переписке с ней, завязавшейся во время поездки Таты в Дрезден летом 1860 г. и уже не прерывавшейся с отъездом ее из Лондона в Италию в декабре 1862 г.

Так, 9 октября 1863 г. Огарев писал о полученных им, но не дошедших до нас письмах Таты из Рима: “Они простодушны и милы. Из-за них я угадываю искреннюю любящую натуру, которая младенчески светла и гораздо глубже, чем может показаться с первого взгляда. Ты,

^{95*} Письма 1 и 3–17 публикуются С.Д. Гурвич, п. 2 – И.А. Желваковой, п. 18–23 – М. Мерво.